И.Б.Кульчицкая (ИЯз РАН)

I.B. Kul'čickaâ

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Квантитативная вариативность слова в китайской речи

Quantitative variability of words in Chinese speech

Аннотация

Современный китайский язык демонстрирует новый вид вариативности слова — квантитативную вариативность; в качестве научной эта проблема впервые была поставлена российским синологом А.А. Драгуновым. В статье речь идет о факторах, которые определяют выбор количественного варианта.

Автор провел направленный эксперимент с китайскими информантами для того, чтобы понять, как носители языка выбирают уместный вариант в конкретный момент речи.

Modern Chinese demonstrates a new kind of a word variety known as quantitative variety. The scientific problem in question was first posed by A.A. Dragunov, the famous Russian sinologist. The paper focuses on factors for using nessesary quantitative variant in modern speeking process.

The author has carried out the directed experimental research assisted by the informants whose first language is Chinese, in order to explain how native speakers select the most appropriate variant in a particular moment of speech.

Ключевые слова

Квантитативная вариативность; структура китайского слова; психолингвистический эксперимент.

Quantitative variability; Chinese word structure; psycho-lingvuistic experiment

Как известно, по мнению отечественного китаиста А.А. Драгунова, одной из двух основных проблем китайской грамматики является проблема структурных единиц китайской речи (см. [3, 7]). Тем самым он обратил внимание на важность и необходимость учета количества слогов в лингвистических единицах при рассмотрении особенностей их функционирования в современном китайском языке (далее по тексту — СКЯ). В формоизолирующем языке, каким является СКЯ, количественно-слоговой состав слова является одним из условий формирования синтаксических связей единиц крупнее, чем слово, равнозначное связывание единиц является также одним из требований китайской стилистики. Это приводит к тому, что в процессе речевого функционирования слова могут менять свою протяженность, появляясь в речи в виде вариантов разного количественного состава. Наиболее типичным случаем является варьирование доминирующих в СКЯ слов двусложного состава и односложных.

Предложенный А.А. Драгуновым подход применяется не только в чисто лингвистических исследованиях, но и при проведении литературоведческого анализа художественного перевода современной китайской литературы. Характерно, что именно так начинает свою статью об особенностях китайского художественного текста, а именно рассказов известного современного писателя Фэн Цзицая, Н.А. Спешнев[1], предлагая подойти к его рассмотрению прежде всего с точки зрения лингвистики «в плане выявления некоторых его формальных (точнее количественных) характеристик», а потом уже учитывать и качественную (литературоведческую) сторону, потому что для него характерно типичное «лингвистическое оформление»[16, 14–15]. К важнейшим лингвистическим параметрам языка он относит фонетику, лексику, морфологию и синтаксис.

---

[1] Спешнев Николай Алексеевич (род. в 1931г. в Пекине) — профессор Санкт-Петербургского университета, окончил 8 классов китайской средней школы. Его детство и юность прошли в древней китайской столице. При изучении китайского речевого узуса представляют значительный интерес рассуждения Н.А. Спешнева о специфике китайского слова, т.к. они отражают его многолетний опыт «языкового существования» в среде носителей китайского языка, а также его собственный опыт экспериментального изучения ритмической природы языка. Более полно о нем рассказывается на сайте восточного факультета Санкт-Петербургского университета [17].

Автор вводит по отношению к художественному тексту такое понятие как эвфония (китайский термин 谐音 xieyin *сеинь* или 悦耳语音 yue’er yuyin *юээр юйинь*), когда речь идет о звуковом подборе слов для большей выразительности речи. Для художественного текста это означает, что автором будет из равновозможных выражений выбираться то выражение, звучание которого будет наиболее ощутимым, потому что в китайском языке эти две стороны «тесно переплетены друг с другом» [16, 16]. Китайской звучащей речи свойственен определенный ритм, создаваемый речевыми тактами. «В произношении мы объединяем по несколько слов в некоторое единство». «Ритм прозы лежит в структуре и системе объединения речевых тактов. Порядок ударений важен лишь как один из признаков структуры речевого такта. Ритмическая организация речи подчинена определенным правилам. Скажем, в расположении ударений избегают ставить два ударения подряд. В китайском языке, например, два соседних ударных слога, т.е. слоги, в которых полностью реализован тон, непременно отделены друг от друга паузой» [16, 17]. Правильное сочетание ритмического членения с синтактико-семантическим создает такую характеристику китайской речи как эвритмия (подробнее см. раздел «Интонация» в [15, 123–140]).

Требованиями ритма обусловлен выбор количественных характеристик лингвистических единиц. «Как известно, в основе внутреннего ритма китайского текста лежит бином — двусложное сочетание морфем, которое представляет собой опорную лингвистическую единицу, необходимую при восприятии текста носителем языка. О бинарности китайского языка говорилось много, этот феномен позволяет создать тот ритм языка, благодаря которому его носитель ощущает внутреннее равновесие ритмической группы или целого предложения» [16, 17] (ср. в этом контексте Ошанина и Драгунова [12; 3])

О признании существования количественной вариативности слова говорится в его анализе далее: «Внутренний ритм можно определить как равномерное чередование соизмеримых языковых единиц, чередование замедления и ускорения, напряжения и ослабления, пауз и звучания. Все это определяется композиционно-синтаксической

организацией речи, где в китайском языке важную роль играет вопрос количественного соотношения слогов в составе языковых единиц, т.е. принципы слоговой организации речи. Для создания внутреннего ритма хорошо организованной речи существенное значение имеют принципы и приемы сочетания односложных и двусложных слов. Для китайского языка характерна стройная и симметричная организация речи. Китайские ученые считают, что стремление довести лексическую единицу до двусложного состава является важнейшей тенденцией ритмической организации китайской речи. Двусложные и четырехсложные сочетания создаются ежечасно бесчисленное количество раз, причем весьма свободно. Объединение двусложных сочетаний в четырехсложные также является важнейшей тенденцией ритмической организации китайской речи» [16, 17–18].

Нам бы хотелось привести еще два очень важных вывода из цитируемой работы, значение которых выходит за рамки только художественного текста и распространяется, как показали наши эксперименты, на область не только письменного текста, но и обычной разговорно-бытовой речи. «Надо полагать, что в китайском языке четкий фиксированный ритм позволяет китайцу при восприятии речи предсказать количественный состав слова или словосочетания в составе высказывания» [16, 19].

Квантитативная вариативность, как показывает дальнейшее заключение, является также одним из средств создания эстетических достоинств текста: «Музыкальная эстетика китайского языка состоит именно в упорядоченности и равновесности текста, в гармоничности его звучания, <…> текст произведения прежде всего должен радовать слух, иначе — быть благозвучным» [16, 19]. И это создается не только за счет определенного рисунка чередования разных тонов, хотя «китайскому языку не чужды приемы эвфонии. Качественная эвфония имеет дело с благозвучием и выразительностью». Ссылаясь на экспериментальные работы А.В. Венцова и В.Б. Касевича [2, 123–124], которые доказали, что «чем больше выражена скоррелированность синтактико-семантического членения с ритмическим — чем совершеннее эвритмия, тем в принципе выше уровень избыточности текста и соответственно легче его восприятие», Н.А. Спешнев объясняет создание благозвучия за

счет чередования тонов, а в прозе, по его словам, кроме того «равновесие заключается в том, что в пределах одного предложения синтаксически одинаково построенные отрезки состоят из одинакового числа слогов. На равновесность предложения принципиальным образом влияет количество слогов в слове или словосочетании» [16, 19]. (Подробнее о данных экспериментах излагается в книге «Проблемы восприятия речи».)

По свидетельству самого автора, а также китайских и отечественных ученых, приведенных автором, для носителей языка при восприятии звучащей речи очень важной опорой является именно ее слоговая группировка: «слоги в предложении группируются по два и по четыре» и данный ритмический рисунок «радует слух и позволяет гладко произносить» (Лу Чживэй), «чем больше выражена скоррелированность синтактико-семантического членения с ритмическим — чем совершеннее эвритмия, тем в принципе выше уровень избыточности текста и соответственно легче его восприятие» (А.В.Венцов, В.Б.Касевич [2].).

Н.А.Спешнев приводит в своей работе мнение известного китайского лингвиста Люй Шусяна о примате двусложных слов для построения китайского предложения «равновесного с точки зрения стилистики», потому что «в современном китайском языке односложные слова не могут употребляться самостоятельно, а обязательно требуют своего расширения до двух слогов. Они воспринимаются как более отточенные, законченные по форме и к тому же из них удобнее, в свою очередь, создавать четырехсложные сочетания. Именно поэтому многосложные слова или словосочетания нередко сокращаются до двух слогов» [16, 21].

Проблема квантитативной вариативности невольно затрагивается, когда китайские и отечественные исследователи говорят о такой отличительной особенности слов современного китайского языка, как их возможности «сжиматься» или «увеличиваться». Так, выдающийся китайский лингвист Люй Шусян в «Очерке об особенностях современного китайского языка» касается этой особенности, и в его терминологии это лингвистическое явление называется проблемой одно- и двусложности [китайского слова]. «В современном китайском языке структура слова часто оказывается

под влиянием одно- и двусложности, наиболее очевидно проявляется тенденция к «обретению двусложности». Например, количество слогов в односложном слове увеличивается до двух: если у некоего человека фамилия Чжан, то его зовут или «лао Чжан» или «сяо Чжан», но если у него фамилия Оу Ян, то его так и зовут — Оу Ян, а не «лао Оу Ян», «сяо Оу Ян» [11, 2].

Люй Шусян приводит и другие примеры увеличения количества слогов в именных односложных словах из разных областей жизни. Например, односложным географическим названиям всегда сопутствует родовое понятие, в котором нет необходимости у двусложных, мы можем сравнить следующие названия уездов: Дасин, Шуньи или уезд Тун, уезд Чжо, в название которых обязательно входит само слово ‘уезд’; другой пример — это двусложные названия стран Япония 日本 riben *жибэнь*, Индия 印度 indu *иньду*, с одной стороны, и, с другой стороны, Франция 法国 faguo *фаго*, Англия英国 yingguo *инго* (в название которых входит иероглиф ‘страна’). Показывая, что это явление никак не связано с грамматическими характеристиками определенной части речи (существительных), а имеет отношение только к особенностям функционирования в языке односложных слов, Люй Шусян предлагает рассмотреть и похожую ситуацию у числительных. Так, например, если про первые десять дней какого-нибудь месяца необходимо говорить «первое число», «второе число», то начиная с одиннадцатого числа можно добавлять, а можно не добавлять к цифровому выражению само слово «число». «Обратной стороной» только что рассмотренного явления является способность двусложных слов при образовании сложных слов «сжиматься» в их составе до односложных. Мы приводим авторские примеры, когда двусложное слово в составе сложного слова сокращается до односложного: 电影dianying *дяньин* ‘кино’ > 影片 yingpian *инпянь* ‘кинокартина’; 地雷 dilei *дилэй* ‘сухопутная мина’, 水雷 shuilei *шуйлэй* ‘морская мина’ > 布雷 bulei *булэй* ‘закладывать мины’, 扫雷 saolei *саолэй* ‘разминировать’; 黄豆 huangdou *хуандоу* ‘соевые бобы’ > 豆腐 doufu *доуфу* ‘соевый творог’ > 腐乳 furu *фужу* ‘засоленный соевый творог’.

Люй Шусян выводит строгие правила квантитативной сочетаемости на уровне словосочетания, когда «количественная» величина управляемого слова зависит от количества слогов в главном слове. Воспользуемся опять авторскими примерами:

进行 学习 jinxing xuexi *цзиньсин сюэси* ‘продолжать учебу’ (при невозможности сказать *进行 学 jinxing xue *цзиньсин сюэ*, употребив односложное слово ‘учеба’) | 打扫街道 dasao jiedao *дасао цзедао* ‘подметать улицы’ (невозможно употребить односложное слово ‘улица’ *打扫街 dasao jie *дасао цзе*). Но в случае, если впереди стоящее слово превращается в односложное, то следующее за ним слово тоже лучше превратить в односложное, приведем уже использовавшийся пример: *дасао цзедао* ‘подметать улицы’ > *да цзе*. В свою очередь большое количество четырехсложных слов современного китайского языка образовано из двух двусложных слов [11, 2–3]. (В отечественной китаистике для обозначения подобных процессов используется термин «морфемная контракция», предложенный И.Д. Клениным, см., например, его работу «Проблема морфемной контракции в современном китайском языке» [8, 7]).

Подобные же случаи изменения «протяженности» слов приводит и Н.А. Спешнев, на примере словосочетаний из двух двусложных слов, когда оба слова «сокращаются» до односложных: 义务 yiwu *иу* ‘бесплатный’ и 演出 yanchu *яньчу* ‘спектакль’ превращаются в 义演 yiyan *иянь*, а 互相帮助 huxiang bangzhu *хусян банчжу* ‘помогать друг другу’ сокращается до 互助 huzhu *хучжу* [16, 23–24].

Данная языковая способность отразилась и на процессах словообразования в СКЯ. Как отмечают современные лексикологи, «двусложные слова не всегда справляются со своим предназначением эффективного средства общения. В силу этого появляются неологизмы большей количественной структуры. В основном информационная нагрузка разрешается с помощью четырехсложных и трехсложных образований (они называются в порядке роста их продуктивности). Трех- и четырехсложные образования в количественном отношении явно превосходят двусложные новые слова» [5, 15]. Но появляющиеся в языке неологизмы сложного количественного состава тоже стремятся образовывать более простые варианты, которые

будут удобны в общении. Подтверждение этого содержится на страницах самого словаря — два количественно различающихся варианта термина ‘кнопочный телефон’ [5, 36-37], двусложные сочетания наименований непристойной (порнографической) продукции, где первое слово сокращено до одного иероглифа со значением ‘желтый’: 黄书huang shu *хуан шу* ‘книга с непристойным содержанием’, 簧片 huangpian *хуанпянь* ‘порнографические кино- и телефильмы’, 黄带 huangdai *хуандай*‘ «желтая» видеокассета’ [5, 240–241]. Название всемирно известных спортивных соревнований — Олимпийские игры — в сокращенном варианте (первый иероглиф китайского названия) вошло в ряд терминов: 奥班 ao ban *аобань* ‘специальные группы будущих участников’, 奥星 ao xing *аосин* ‘олимпийская звезда’ и др. [5, 38]. Приведем еще пример. После того, как в состав Китая вернулась бывшая португальская колония Аомынь (Макао), по административному делению КНР она получила название «Специального административного района Аомынь». Это название было сокращено до 澳 区 Ao qu *Аоцюй* (дословно: «первый иероглиф из названия» + «район») [5, 39].

Приведенные словарные примеры — это уже зафиксированные факты языка, попавшие в язык из речевого общения. Количественно-вариативные формы слов осознаются носителями языка, и помещаются в словарную статью. В качестве примера мы хотим привести словарную статью из нормативного китайского словаря Сяньдай ханьюй цыдянь [18,7] с ключевым словом ‘седло’, которое проверялось нами в эксперименте, о котором будет рассказано далее. В статье даются оба варианта: односложный 鞍an *ань*, значение которого не описывается, но раскрывается через двусложную форму, и в этом случае помещается пример употребления 马鞍ma’an *ма’ань* (дословно: «лошадь» + «седло») и 鞍子anzi *аньцзы* с подробным словесным разъяснением значения этого слова. Особенностью словарных статей варьирующихся единиц является то, что другие возможные вариантные формы могут встретиться при описании значений других лексических единиц или в примерах к ним. В данном случае при толковании значения выражения 鞍韂 anchan *аньчань* ‘седло и чепрак’ встречается трехсложное образование马鞍子 ma’anzi *ма’аньцзы* в качестве объяснения значения первого из

компонентов сочетания. Как мы видим, словарные статьи (а приведенная является типичной) не содержат никаких комментариев о правилах выбора того или иного варианта. Требования ли ритма, или какое-то ограничение на функционирование послужило, например, причиной выбора трехсложной формы в последнем случае — сказать трудно. Для выбора этого варианта могли быть и другие причины, что показали наши первые работы с информантами по методу close procedure [9, 103–106; 10].

Для проведения нынешнего эксперимента с информантами были отобраны двадцать лексических единиц СКЯ с разной степенью частотности употребления в речевом узусе. Эти лексические единицы не относятся ни к одной из групп специализированных в своем употреблении слов, например, неологизмов, архаизмов или окказионализмов. Это все так называемые «базовые» лексические единицы СКЯ. Часть слов — более широко употребительные обиходные слова, а часть — менее широко употребительные наименования предметов, встречающихся в определенных ситуациях, как уже приводившееся ‘седло’, ‘мишень’, ‘опухоль’ и др. Единственно, что объединяет отобранные слова — это их способность к количественному варьированию. Проверка речевого функционирования этих слов проводилась последовательно с шестью информантами, китайскими студентами в возрасте 20–25 лет, приехавшими в Институт русского языка им. А.С. Пушкина на стажировку по русскому языку, уже пройдя курс обучения в высших учебных заведениях КНР.

Информанты приехали в Москву из разных мест Китая, среди них были представители и севера, и юга страны, принадлежащих к различным речевым узусам [4]. Информанты, среди которых были лица и мужского и женского пола, свободно пользовались русским языком в рамках обсуждаемой тематики. Задания информантам формулировались на русском языке, их просили употребить предлагавшуюся лексическую единицу в определенной ситуации в высказывании на родном языке или перевести предлагавшуюся фразу. В качестве вида общения с информантами был выбрана управляемая беседа, сопровождавшаяся необходимым комментарием со стороны испытуемых. Для удобства изложения информантам были присвоены порядковые

номера, под которыми их речевые реакции будут употребляться в тексте. На примере слова ‘седло’ мы продемонстрируем, насколько разные факторы, кроме уже описанных ритма и эвфонии, влияют на выбор вариативной формы. Информант № 4 во всех речевых реакциях употреблял только односложный вариант, по его утверждению, это слово нельзя употребить в вариативной форме с суффиксом *-цзы*. По словам информанта № 1, жителя Пекина и говорившем на литературном языке, наоборот, односложный вариант употребить нельзя как наименование предмета, о котором идет речь, но при переводе нескольких атрибутивных сочетаний разной сложности он употребил разные квантитативные варианты: ‘большое седло’ 大鞍 da an *да ань*, ‘маленькое седло’ 小鞍 xiao an *сяо ань*, ‘новое большое седло’ 新的大鞍子 xinde da anzi *синьдэ да аньцзы*, ‘новое войлочное седло’ 新毡鞍子 xin zhan anzi *синь чжань аньцзы*. Этот же информант предоставил интересный комментарий, основанный на личном опыте — у деревенских жителей существуют устойчивые ассоциации с лошадью и седлом, они могут называть ‘седло’ либо 鞍 an *ань* либо 鞍子 anzi *аньцзы*. Как показали ответы других информантов, на употребление вариантов в большой степени влияет и привычка пользоваться более близкой родной диалектной разновидностью языка, особенно если речь идет о таком предмете, который знаком в домашней обстановке. Одна информантка, которой было предложено перевести атрибутивные сочетания с проверяемым словом, подчеркнула, что ‘новое седло’ лучше сказать 新鞍子 xin anzi *синь аньцзы*, «принято говорить именно так». По ее словам, употребить двусложный вариант было бы правильнее и в сочетании ‘хорошее седло’ 好鞍子 hao anzi *хао аньцзы,* ведь здесь они употребляются изолированно, но во фразе эти сочетания будут употребляться с односложным вариантом: 新鞍 xin an *синь ань*, 好鞍 hao an *хао ань* и т.д. Когда ей предложили для перевода атрибутивное сочетание со значением принадлежности, то она отреагировала: ‘седло дедушки’ 爷爷的鞍子 yeyede anzi *е’е дэ аньцзы*, с комментарием, что 爷爷的鞍 yeyede an *е’е дэ ань* тоже понятно, но лучше употреблять в двусложном варианте. При переводе фраз, где проверяемое слово выступало дополнением, информантка предъявила разные количественные варианты: односложный ‘Я хочу покататься на лошади, мне надо на

лошадь надеть седло’ 我想骑马，我需要给马罩上鞍 Wo xiang qi ma, wo xuyao gei ma zhaoshang an *Во сян ци ма*, *во сюй’яо гэй ма чжаошан ань* (хотя при этом она заметила, что употребление двусложного варианта тоже возможно zhaoshang anzi 罩上鞍子 *чжаошан аньцзы*) и двусложный ‘У меня есть новое седло, я хочу его надеть на лошадь’ 我有一个新鞍子，我想把它装在马上 Wo you yi ge xin anzi, wo xiang ba ta zhuang zai ma shang. *Во ю игэ синь аньцзы*, *во сян ба та чжуан цзай ма шан*. Употребляя в данном случае двусложный вариант 鞍子 anzi *аньцзы*, информантка комментирует, что так удобнее, свободнее произносить, в китайском языке такое явление называется термином 顺口 shunkou *шунькоу*. Но при переводе фразы, где проверяемое слово выступало подлежащим, информантка предъявила следующий перевод: ‘Мое седло уже старое, надо поменять на новое’ 我的鞍子已经老了，应该换一个新的 Wode anzi yijing laole, yinggai huan yi ge xinde. *Водэ аньцзы ицзин лао лэ, ингай хуань и гэ синь дэ*. При этом она прокомментировала, что если бы в этом случае было употреблено 我的鞍 wode an *водэ ань*, то это не было бы похоже на типичный китайский язык, так мог бы сказать иностранец. Если китаец услышит такое выражение, он его поймет, но звучит оно не совсем правильно. С информанткой № 2 было проверено употребление правильного варианта при перечислении необходимых для верховой езды предметов: ‘уздечка, стремена и седло’, она подтвердила, что если перечислять все названия отдельно, то про ‘седло’ надо будет сказать 马鞍 ma’an *ма’ань* или 鞍子 anzi *аньцзы*, если при перечислении употребить 鞍 an а*нь*, то будет звучать некрасиво, неблагозвучно.

Информантка № 3 употребляла разные квантитативные варианты: ‘маленькое седло’ 小鞍 xiao an *сяо ань*, ‘слезай с седла’ 下鞍吧！ xia an ba! *ся ань ба*! (экспликация: «спускаться» + «седло» + частица повелительного наклонения), ‘В седло!’ 上马鞍吧！shang ma’an ba! *шан ма’ань ба!* Она высказала предположение, что 上鞍子 shang anzi *шан аньцзы* тоже можно сказать. Насколько ей известно, такое выражение может звучать в разговоре между знакомыми людьми в деревне, где лошадь еще является основным транспортным средством — люди могут так говорить друг другу в бытовом общении. По ее словам, в разговорной речи китайцы употребляют и 鞍 an *ань* и 鞍子 anzi *аньцзы*: ‘снять

седло’ 取鞍子 qu anzi *цюй аньцзы*, ‘большое седло’ 大的 马鞍 dade ma’an *дадэ ма'ань*, ‘маленькое седло’ 小的马鞍 xiaode ma’an *сяодэ ма’ань*, в конкретной ситуации можно сказать и 大鞍da an *да ань* и 小鞍xiao an *сяо ань*. И она привела пример такой ситуации: когда в твоем присутствии выбирают седло, уместно спросить ‘Вот большое седло, вот маленькое седло, какое выберешь?’ 这是大鞍 这是小鞍 你挑那一个？Zhe shi da an, zhe shi xiao an, ni tiao na yi ge? *Чжэ ши да ань*, *чжэ ши сяо ань*, *ни тяо на и гэ*? — в таком виде фраза звучит нормально.

Информантку № 5 попросили определить правильность и понятность фразы ‘Я вчера купила седло’ 我昨天买了一个鞍Wo zuotian maile yi ge an. *Во цзотянь майлэ и гэ ань*, в которой умышленно был употреблен универсальный классификатор вместо специального классификатора для этого слова, а также само слово в односложном варианте. Информантка сказала, что такая фраза не для всех понятна: кто-то поймет, а кто-то не поймет. Надо сказать 马鞍 ma’an *ма’ань* или 鞍子 anzi *аньцзы*. Односложное слово редко употребляется. Тогда исследователь попросил определить понятность фразы ‘Седло, сделанное из кожи’ 用皮革做的鞍 yong pige zuode an *юн пигэ цзо дэ ань* (экспликация: предлог со значением «использовать» + кожа + делать + показатель определения + седло), на что информантка сказала, что на слух фраза понятна и что так можно сказать, ведь перед словом ‘седло’ есть определение, а если бы его не было, то было бы непонятно. Но добавила, что лучше употреблять马鞍 ma’an *ма’ань* или 鞍子 anzi *аньцзы*.

Информант № 6 переводил предлагавшиеся фразы с двусложным вариантом鞍子 anzi *аньцзы*, тогда исследователь попросил его перевести две фразы, где перед проверяемым словом стояли притяжательные местоимения: ‘Это мое седло, ты перепутал’ 这是我的鞍 你拿混了Zhe shi wode an, ni nahunle *Чжэ ши водэ ань, ни нахуньлэ* или ‘Я взяла твое седло, ошиблась’ 我拿你的鞍了，拿错了Wo na nide an le, nacuole *Во на нидэ ань лэ, нацолэ* — в которых информант употребил односложный вариант. И все информанты были согласны с тем, что в литературном языке односложное слово ‘седло’ в основном существует в хорошо понятных всем устойчивых фразеологический

оборотах, например, ‘Хорошей лошади требуется хорошее седло’ 好马配好鞍Hao ma pei hao an *Хао ма пэй хао ань* или ‘Раз уж купили лошадь, надо приобрести седло’ 买的起马就配的起鞍Maideqi ma jiu peideqi an *Майдэци ма цзю пэйдэци ань*.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в китайской речи квантитативная вариативность слова относится к довольно распространенным явлениям. Этот факт объясняется самой типологической спецификой китайского языка, а именно его формоизолирующим строем (термин В.М.Солнцева) [14]. Как известно, В.М.Солнцев усматривал одну из типологических черт в наличии в СКЯ двух форм существования слова [13, 19]. Выбор односложного или двусложного варианта слова определяется целой системой факторов, среди которых имеются ритмические, эвфонические, семантические, стилистические и др. Как показал эксперимент, один из фрагментов которого продемонстрирован в статье, все эти факторы в той или иной степени осознаются носителями китайского языка. Представляется, что именно это подтверждает высокую продуктивность и сложную функциональную дифференциацию квантитативной вариативности слова в китайской речи.

Литература

1. Большой русско-китайский словарь. Пекин: Шаньу иньшугуань, 1985.

2. Венцов А.В., Касевич В.Б.. Проблемы восприятия речи. СПб., 1994.

3. Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л.: Издательство ЛГУ, 1962.

4. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М.: Восточная литература, 2010.

5. Китайско-русский словарь новых слов и выражений / В.Г. Буров, А.Л. Семенас. М.: Восточная книга, 2007.

6. Китайско-русский словарь (Хань-э цыдянь). Пекин: Шанъуиньшугуань, 1989.

7. Кленин И.Д. Материалы по курсу лексикологии китайского языка. М.: ВИИЯ, 1970.

8. Кленин И.Д. Проблема морфемной контракции в современном китайском языке // Изучение китайского языка. Научно-методический сборник. Т. 2. М.: Муравей, 1997.

9. Кульчицкая И.Б. Использование методов полевой лингвистики при описании сочетаемости формантов с именными единицами в СКЯ // Китайское языкознание. IX международная конференция. Материалы. М.: Институт языкознания РАН, 1998.

10. Кульчицкая И.Б. Особенности квантитативной вариативности в китайском языке // Электронное научное издание (периодический сборник) «Лингвистика и методика преподавания иностранного языка», 2010, Выпуск 2 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/sbornik_kiya.pdf.

11. Люй Шусян. Очерк грамматики современного китайского языка // Сяньдай ханьюй бабай цы (800 слов современного китайского языка). Пекин: Шаньу иньшугуань, 1984.

12. Ошанин И.М. Слово и часть речи в китайском языке. М.: АДД, 1946

13. Солнцев В.М. Типологические свойства изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков)// Языки Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1970.

14. Солнцев, В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Восточная литература, 1995.

15. Спешнев Н.А. Введение в китайский язык: Фонетика и разговорный язык. СПб.: КАРО, 2005.

16. Спешнев Н.А. О некоторых стилистических особенностях китайского художественного текста. // В: Фэн Цзицай. Чудаки: Книга для чтения на китайском языке с переводом и вступительной статьей Н.А.Спешнева — СПб.: КАРО, 2006.

17. Спешнев Н.А. Пекин — страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика. — СПб.: «Бельведер», 2004.

18. Сяньдай ханьюй цыдянь (Словарь современного китайского языка, изд. Группой словарей Института языка АОН КНР). — Пекин, изд-во Шанъуиньшугуань, 1984.